

# «Публичная история» и профессиональная историография

Владимир Согрин

## «Public history» and professional historiography

Vladimir Sogrin

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009261-8

Главным предметом настоящей статьи являются соотношение и взаимоотношение специализаций «профессиональная историография» и «публичная история» («*public history*»)<sup>1</sup>. Последняя обрела «права гражданства» как за рубежом, так и в России. В настоящее время в шести российских университетах открыты магистерские программы «публичной истории»<sup>2</sup>. В университетах США эта специализация потеснила профессиональную историографию. Также в стране действуют журналы «Публичная история», «Публичный историк» и соответствующая ассоциация, куда входят журналисты, публицисты, представители разных сфер культуры, выпускники университетов, специалисты по этому предмету. В массовом сознании доминируют представления, создаваемые «публичной историей», а не профессиональной историографией, которая зиждется на иных принципах.

В чём своеобразие «*public history*»? Например, на портале Высшей школы экономики читаем: «История перестаёт быть исключительно университетской наукой. Академики покидают “башню из слоновой кости” и стремятся сделать знание о прошлом доступным и понятным широкой аудитории... Учёные, имеющие профессиональное историческое образование, начинают говорить не только с коллегами, но с самыми разными читателями и слушателями»<sup>3</sup>. В отношении России делается упор на распространение профессиональными учёными-исследователями исторических знаний среди широкой (прежде всего читающей) публики.

С таким пониманием «публичной истории» хочу поспорить. Реально к данной сфере относятся: публицистика в самых разнообразных формах — от телевизионных ток-шоу, телесериалов и фильмов на исторические темы до газетных обсуждений разнообразных сюжетов; исторические романы, иная худо-

© 2020 г. В.В. Согрин

<sup>1</sup> «Публичная история (англ. *public history*) — сравнительно новая область знания, посвящённая проблематике бытования истории в публичной сфере как с практической, так и с теоретической точек зрения. Термин “публичная история” описывает большую совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе медийных, и на представление его в формах, предназначенных для широкой публики» (URL: [https://ru.wikipedia.org/wi/Публичная история](https://ru.wikipedia.org/wi/Публичная_история)).

<sup>2</sup> В Московской высшей школе социальных и экономических наук («Шанинка»), Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Европейском университете (Санкт-Петербург), Пермском университете, Ярославском государственном педагогическом университете, Балтийском университете (Калининград) (URL: <https://iq.hse.ru/news/219640338.html>).

<sup>3</sup> Там же.

жественная литература, документальная беллетристика; всевозможные произведения искусства, в первую очередь памятники, мемориалы, музеи, выставки, посвящённые актуальным историческим событиям, а также известным деятелям и т.д. Всё активнее на ведущую позицию в создании «*public history*» выходят электронные порталы, руководимые отнюдь не профессионалами.

Должна ли профессиональная историография реагировать на эту массовую историческую культуру? Необходимо изучать её в бакалавриатах, магистратурах, а также анализировать в диссертациях. По возможности профессиональная историография может участвовать и в самой «*public history*». Однако возникает вопрос: совместима ли с ней профессиональная историография, готова ли она принести в жертву свои принципы и профессионализм, если сочетание не достигается?

Создают ли учёные-историки «*public history*»? Их роль, на мой взгляд, в основном сводится к написанию научно-популярной исторической литературы, составляющей лишь крупицу современной «публичной истории». А создание её основных массивов принадлежит иным персонам, зачастую противостоящим профессиональной историографии и преследующим в качестве «публичных» историков иные цели. А ими привлекаемые (используемые) профессиональные историки зачастую (добровольно или по воле продюсеров) подчиняются массовой исторической культуре, становятся её пленниками.

Вот лишь некоторые принципиальные черты профессиональной историографии. Во-первых, она опирается на совокупность первоисточников. С повышением квалификации учёный-историк расширяет их круг. Из использованных источников он извлекает новые, ранее потаённые, смыслы. Роль первоисточников не может абсолютизироваться. «Факты исторического источника, — писал И.Д. Ковальченко, — представляют собой отражение фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно... Научно-исторический факт — это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт — в целом дважды субъективизированное отражение прошлого»<sup>4</sup>.

Историки, придерживающиеся разных концепций, в их подтверждение могут приводить и приводят разные данные источников<sup>5</sup>. Их дифференциация и отбор зависят от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться либо искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи выработку у профессионального историка морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения источникового материала исследуемой темы, максимального при-

---

<sup>4</sup> Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 130.

<sup>5</sup> Например, во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии В.Ю. Крашенинникова (ведущий сотрудник информагентства «Россия сегодня») на одном из ведущих российских телеканалов доказывала, что США осуществили высадку во Францию исключительно в целях опережения СССР в оккупации Германии, а целью США во Второй мировой войне было ослабление России, но не победа над Германией. Она опиралась на известное суждение Г. Трумэна, сделанное им в начале Великой Отечественной войны: если Америка увидит, что побеждает Германия, нужно помогать СССР, и наоборот. Я, признавая этот факт, учитывал и другое. Главой США во время Второй мировой войны был не Трумэн, а Ф.Д. Рузвельт, который, как показывают факты, считал трумэновский подход «безответственным» и твёрдо поддерживал союзнические отношения с СССР, хотя и не одобрял советскую цивилизацию, стремясь возвеличить США. Трумэн, один из инициаторов холодной войны, сменил Рузвельта на президентском посту в апреле 1945 г. (Согрин В.В. История США. М., 2019. С. 361—390).

ближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов. Такой кодекс не может быть предложен в качестве некоего закона, но его присутствие в профессиональной историографии необходимо.

Во-вторых, учёного-историка отличает глубокое знание и использование историографии исследуемой темы. Главными подходами в отношении историографической традиции являются противоборство и диалог. Первый из них означает стремление к научной монополии, дискредитации и «устранению» оппонента-соперника (сегодня так проходят дискуссии на отечественных телеканалах; ведущий («модератор») целенаправленно выстраивает обсуждение на заданную тему в направлении торжества концепции, удобной заказчику, и на уничтожение иной интерпретации). Второй подход означает взаимобмен научными результатами и дискуссией в целях совместного приближения к истине, что предполагает восприятие приводимых оппонентом убедительных аргументов, выводов, выверенных фактов. Диалог — это научное обогащение каждой стороны за счёт убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. На мой взгляд, противоборство доминировало в советский период в отношениях между представителями историографии отечественной и зарубежной. Возможность творческого восприятия тех или иных положений последней практически касалась только школ, близких к марксизму, а в отношении иных — их выводов, подходов, концепций — предполагалась сугубо критическая, зачастую непримиримая позиция.

В-третьих, основополагающей платформой профессиональной историографии является историзм. Его антитеза — презентизм, равнозначный подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню, — «политика, опрокинутая в прошлое». Историзм же оценивает былые события и деятелей в зависимости от того, что они дали в сравнении с предшествовавшими эпохами и в контексте обстоятельств и возможностей своего времени. В советский период классическим определением историзма считалось ленинское: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своём развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»<sup>6</sup>.

Считаю, что данное суждение не утратило научного значения, хотя и требует критического осмысления. Рассмотрим, к примеру, занявшую важное место в историографии постсоветского периода революцию 1917 г. Принимая во внимание её последствия и практическую реализацию на протяжении 70 с лишним лет советской истории, нельзя не признать и их глубокой противоречивости, а также в ретроспективной оценке поражения большевиков/коммунистов. Но это, на мой взгляд, не равнозначно отрицанию исторической обусловленности самой революции, даже при её высокой «кровавой цене». Кроме того, революция не может оцениваться односторонне и однобоко (при замалчивании «цены» белого террора<sup>7</sup>).

В-четвёртых, постсоветский период развития профессиональной историографии ознаменовался сменой монополии исторического материализма тео-

---

<sup>6</sup> Ленин В.И. ПСС. Т. 39. М., 1970. С. 67.

<sup>7</sup> О современной историографии революции 1917 г. см.: Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем // Российская история. 2018. № 6. С. 3—26.

ретико-методологическим плюрализмом. При этом важным стало освоение современных исследовательских методов, в том числе междисциплинарной методологии. Хотя в советской исторической науке и развивалась междисциплинарность, но она сводилась лишь к использованию методов марксистского общественнознания. После 1991 г. междисциплинарность качественно изменилась, поскольку историография стала пользоваться «арсеналом» современного мирового общественнознания, в первую очередь социологии, политической науки, культурологии, антропологии.

Отмечу опасность, возникающую в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата общественных наук. Например, тоталитаризм стал одной из наиболее распространённых политологических категорий, воспринятых многими современными отечественными историками. Эту категорию применяют в изучении различных исторических тем и периодов, используют при характеристике политической власти в эпоху Петра I, Ивана Грозного. Между тем тоталитаризм (как он используется и определяется в политической науке) — это возникший в XX в. феномен, который не может быть отнесён к более ранним периодам.

Представители «*public history*» зачастую игнорируют научную традицию и занимают презентистскую позицию «опрокидывания политики в прошлое». Делают это безапелляционно, как, например, декан факультета телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова В.Т. Третьяков. Возмущаясь разноречием в оценках постсоветских исследователей и их неспособностью создать достойную (приемлемую для него. — В.С.) историю Отечества, он заявил: «Наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются»<sup>8</sup>. Писатель Э.С. Радзинский уверен, что задач у истории как науки нет, поскольку таковой не существует<sup>9</sup>. Однако и журналист, и драматург не сомневаются, что именно в их оценках прошлого заключена истина.

Типичный «публичный» историк стремится подчинить прошлое собственному пониманию, рассматривая его, как правило, с позиций сегодняшнего дня. Эту оценку можно распространить на «публичную историю» любой страны. Например, в последние десятилетия в США «*public history*» подверглась массивному натиску откровенно презентистской политкорректности, которой фактически сдалась в плен профессиональная историография. Политкорректность в американском обществе — это набор мировоззренческих установок, оформившихся в первую очередь в либеральных кругах (но и консервативные не в состоянии её проигнорировать) под воздействием общественно-политических процессов (например, массовых демократических движений) и изменений последней трети XX в.

Именно тогда в США стали активно публиковать «женские» и «афроамериканские» исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. В изучении этой новой проблематики обнаружились явные перекосы. Политкорректность фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Важнейшие события американского прошлого стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествовавшими эпохами, сколько из-за неспособности на их разных этапах, в том числе на-

<sup>8</sup> См.: Известия. 2010. 25 ноября.

<sup>9</sup> Там же. 15 октября.

чальных, обеспечить равные права индейцам, афроамериканцам, женщинам. Очевидно, что политкорректность противоречит историзму.

Американские школьные и университетские учебники отражают известный принцип Дж. Оруэлла: кто контролирует настоящее, тот контролирует и прошлое. Так власть использует свой политический и идеологический ресурс для того, чтобы воспитывать у подрастающего поколения угодное представление о прошлом и настоящем американской цивилизации. Не случайно на всех её этапах господствующим в школьных учебниках США был патриотический нарратив<sup>10</sup>.

Вместе с тем отмечу, что 50 американских штатов сохраняют самостоятельность в изданиях и рекомендации исторических учебников. Предлагаемые в тех или иных штатах учебники подчас зависят от того, какая партия (республиканская или демократическая) контролирует штат. Условно говоря, «республиканские» учебники в большей мере пронизаны патриотическим нарративом, а «демократические» воплощают пресловутую политкорректность. В «политкорректных» учебниках материал поделён «поровну» между разными этносами и гендерными группами, что является не меньшим искажением истины, нежели следование традиционному патриотическому нарративу.

В последние годы отражением отмеченного конфликта в США стала «война памятников». Представители политкорректности начали крушить памятники деятелям рабовладельческой Конфедерации, которых множество в южных штатах и поныне. Под их «горячую руку» попали и монументы, посвящённые родоначальникам США. «Публичные» историки взяли под жёсткий контроль профессиональных, которые сегодня уже не осмелятся воздержаться от осуждающих оценок относительно основателей государства, будь то Дж. Вашингтон или признанный «отец» американской демократии Т. Джефферсон. Гневные филиппики посыпались даже в адрес освободителя рабов А. Линкольна, поскольку тот до Гражданской войны, подобно большинству американцев из свободных штатов, не верил в сосуществование двух рас и видел цель в удалении всех чернокожих на их «родину» — в Африку.

В СССР профессиональная историография с теми или иными исключениями следовала «публичной истории» КПСС. Ситуация стала меняться после 1985 г. Во второй половине 1980-х гг., на мой взгляд, возник своего рода широкий фронт пересмотра советской историографии. В него вошли не только публицисты, писатели, журналисты, но и многие учёные-историки. Таков был запрос времени и провозгласившего перестройку руководства КПСС во главе с М.С. Горбачёвым. Паролями ревизионистской (не вкладываю в это определение негативного смысла) историографии стали определения «белые пятна истории» и «страна с непредсказуемым прошлым». Единение публичных и профессиональных историков в закрытии «белых пятен» и в превращении нашей державы в страну с «предсказуемым прошлым» принесло противоречивые с точки зрения принципов исторической профессии результаты.

Главным плюсом перестроечного периода для профессиональной историографии явилась академическая свобода, прежде неизвестная. Вместе с тем данная историография была неотделима от «*public history*». Перестроечно-ревизионистское направление исторической мысли сдало свою ведущую позицию на рубе-

---

<sup>10</sup> Подробно см.: Соколов А.Б. Школьный учебник истории в Соединённых Штатах Америки (XIX—XX вв.). Ярославль, 2011.

же 1980—1990-х гг., а произошло это по причине новых идейно-политических перипетий, которые расчистили лидирующее место уже для антисоциалистического направления. Крах горбачёвских реформ породил в обществе мнение, что реформироваться на социалистической основе невозможно. Взоры «публичных» историков — публицистов, журналистов и тех профессионалов, которые восприняли их позицию, — обратились к новым идеологическим идолам. В течение 1989—1991 гг. утвердилась либерально-демократическая парадигма радикального толка.

Воплощением либерального направления стал учебник «Наше отечество. Опыт политической истории», опубликованный в 1991 г. под грифом Российского государственного гуманитарного университета, основателем и руководителем которого был Ю.Н. Афанасьев, видный политик либерально-радикального крыла, по образованию профессиональный историк. Западный путь, предстающий как образец для России, согласно одному из определений, данных в этом коллективном труде, это «накатанная дорога к свободе, равенству и братству»<sup>11</sup>. Прогресс российской истории определялся в связи с тем, как воплощались в ней западно-либеральные ценности. Наибольшие симпатии читателей должны были завоевать не народные бунтари типа И.И. Болотникова, С.Т. Разина и Е.И. Пугачёва (их имена в книге объёмом более 1 тыс. страниц не упомянуты), не декабристы, революционные демократы и тем более не большевики, а российские либералы. Крах либеральной альтернативы царизму и торжество социалистической революционной предстают как главная трагедия российской истории. Творцом Октября объявлялся один человек — В.И. Ленин. Большевицкая революция определялась как «октябрьский переворот», ленинизм — как предтеча сталинизма. Историческая фактура, накопленная и использовавшаяся в советский период, игнорировалась.

После распада СССР либеральная «*public history*» была взята на вооружение правительством Б.Н. Ельцина и легла в основу учебной исторической литературы. Это не только поддерживалось, но, по сути, диктовалось установками Министерства образования РФ. Даже западных специалистов поразила политизация учебной исторической литературы — главного компонента «публичной истории». В критическом её анализе Р.У. Дэвис отмечал: «Использование термина “тоталитаризм” для характеристики сталинского режима — вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую догму»<sup>12</sup>. Ранее не известные догмы «*public history*» нередко приобретали карикатурный характер. Например, в изданном в 1993 г. учебном пособии советский период был изложен в трёх главах: «Год 1917: через свободу к диктатуре», «Становление коммунистического тоталитаризма» и «Преодоление тоталитаризма»<sup>13</sup>.

«*Public history*» господствовала на книжном рынке. Перечислить всех её представителей невозможно, назову лишь два имени. Первый автор — В. Суворов (В.Б. Резун, бывший сотрудник советской военной разведки, бежавший в Англию) в ряде книг, изданных в России массовым тиражом, отстаивал концепцию о Советском Союзе как главном виновнике Второй мировой войны и

<sup>11</sup> Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991. С. 356.

<sup>12</sup> Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 50.

<sup>13</sup> Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 87.

обосновывал превентивный характер войны Германии против СССР. Поразительно, но фантазии Суворова поддерживали (правда, зачастую с серьёзными оговорками) некоторые профессиональные историки.

Другой автор — математик, академик РАН А.Т. Фоменко выдвинул (вместе с соавторами) и пропагандировал «новую хронологию» — радикальный пересмотр всей всемирной истории. Взгляды академика были опровергнуты не только профессиональными историками, но также филологами, астрономами, самими математиками. Но Фоменко и его единомышленники продолжали издавать один талмуд «*public history*» за другим, и они (как и книги Суворова) пользовались гораздо большим спросом, нежели труды учёных-историков.

Либерально-западнический дискурс, утвердившийся в 1990-х гг., не смог удержать господствующего положения ни в «публичной истории» в целом, ни в учебной исторической литературе в частности. Его отступление с ведущих позиций было обусловлено очередной переменой политической ситуации в России. Сильнейший удар по местному либерализму нанесли радикальные реформы 1990-х гг. и последующие перипетии. На волне недовольства оформлялась оппозиция (левая и национал-патриотическая), занявшая особое место в «*public history*». Власть стала прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе в трактовках прошлого.

Многие обратили внимание на стремление власти возвеличить монархов Российской империи и признать её крушение национальной трагедией, причём «рукотворной», т.е. имевшей не естественный, а искусственный характер. В отличие от 1990-х гг., когда ниспровергалась Октябрьская революция, сегодня причиной трагедии объявляют всю революцию, включая Февраль. Подобную интерпретацию поддерживают и некоторые учёные-историки. Критикуя презентизм сегодняшней «публичной истории» (и отчасти профессиональной историографии), я ни в коем случае не хочу повторения революции в каком-либо варианте. Но в отличие от власти и развивающих угодную ей интерпретацию «популярных» историков, я полагаю, что задача предотвращения революционных потрясений может быть решена не путём презентистского освещения этапов падения Российской империи, а на основе извлечения исторических уроков. К сожалению, как сокрушаются многие профессионалы, единственный урок истории состоит в том, что из неё не извлекают никаких уроков.

Современное презентистское восприятие краха Российской империи и революции 1917 г. освящено авторитетом А.И. Солженицына. Для многих это сакральная фигура. Мне же важно соотнесение выводов писателя с принципами профессиональной историографии, и я вижу между ними глубокое противоречие. Кроме того, в рамках академической свободы, которую одобрял сам Солженицын, возможны различающиеся оценки его творчества. Они имеются, и я отсылаю читателя к двум фундаментальным, но, по сути, взаимоисключающим исследованиям его исторической роли и наследия — апологетической<sup>14</sup> и критической<sup>15</sup>. Для проводимого же мной анализа существенно, что поздний Солженицын приближался мировоззренчески к концепции «Православие. Самодержавие. Народность». Он переключился с критики «Красного колеса» и Октября 1917 г. на критику Февральской революции. В пространной статье, по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно чётко: «В ночь с 1 на

<sup>14</sup> См.: Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2008.

<sup>15</sup> См.: Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М., 2012.

2 марта Петроград проиграл саму Россию — и больше чем на семьдесят пять лет»<sup>16</sup>. Так российский антибольшевистский кумир санкционировал поругание Февраля 1917 г., который воспринимался российской демократией рубежа 80—90-х гг. XX в. как «матрица» новой либерально-демократической революции 1991 г.

Современная российская «*public history*» является плюралистической, в ней присутствуют разные мнения, но соответствующее запросу власти направление стало главенствующим. Его представители осудили русскую революционно-освободительную традицию. «Виновными» были признаны не только «третий», большевистский, этап революционно-освободительного движения (периодизация советской исторической науки, воспринятая ею у Ленина. — В.С.), но и «первый — дворянско-декабристский», и «второй — разночинско-народнический». Телевизионные каналы сосредоточились на исторических фильмах и сериалах, посвящённых российским монархам, изображая их в позитивном, а часто в откровенно апологетическом ключе. В книгах, газетных публикациях, документальной беллетристике стали чаще рассматриваться проблемы монархии и империи.

В качестве одного из главных персонажей современной «*public history*» предстаёт Николай II. На его стороне (как и в целом российской монархии, империи и православия) — великий Солженицын. Отмечу, что не менее великий Н.А. Бердяев, который во время горбачёвской перестройки и в 1990-х гг. был кумиром «публичной истории», явно померк, практически «выпал» сегодня из её сферы. Причину я вижу в том, что Бердяев при не меньшей, чем у Солженицына, нелюбви к Ленину и большевикам утверждал: «Революция октябрьская и есть настоящая народная революция в её полном проявлении»<sup>17</sup>. Фундаментальную причину революции Бердяев определил так: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу — крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы иностранцев»<sup>18</sup>. Народ сокрушил этих «иностранцев», а не мифические «иностранные агенты» в лице кадетов или большевиков.

Из видных профессиональных историков апологетического освещения прошлого Российской империи и монархии придерживается Б.Н. Митронов<sup>19</sup>. Признавая его научные заслуги<sup>20</sup>, не могу не отметить, что на его концепции лежит идеологическая печать. Митронов называет свой подход «клиотерапией», призванной внушить людям исторический оптимизм, дать им духовное исцеление. Апологетические оценки достаются монархам, которые в отечественной историографической традиции известны как контрреформаторы и консерваторы. Их политика, доказывает исследователь, способствовала укреплению удовлетворяющих российские потребности начал. К сожалению, Митронов игно-

<sup>16</sup> Солженицын А. Размышления над февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февраля. С. 10.

<sup>17</sup> Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // Вёрсты. Париж. 1928. № 3. С. 58.

<sup>18</sup> Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 111.

<sup>19</sup> Митронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). В 2 т. СПб., 1999; Митронов Б.Н. Благополучие населения и революция в имперской России. М., 2010.

<sup>20</sup> Подробный анализ разных сторон исследования Б.Н. Митронова см.: Согрин В.В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144—160.

рирует множество фактов профессиональной историографии, противоречащих его «клиотерапевтическим» оценкам.

Обращаясь к мероприятиям Александра III, известным в историографической традиции как контрреформы, Миронов «уложил» их в четверть страницы. Некоторые из них, например указ о «кухаркиных детях», вообще не упомянуты, другие охарактеризованы настолько неопределённо, что создаётся впечатление об их безвредности или второстепенном характере. Печально известное «Положение о земских участковых начальниках», по лапидарной формулировке Миронова, поставило крестьян «в сильную зависимость от земского участкового начальника»<sup>21</sup>. А ведь согласно выводам десятков исследователей, основанным на множестве фактов, «сильная зависимость» означала тотальный произвол участковых начальников в отношении крестьян и ознаменовала реакционный переворот в системе местного управления. Миронов против таких выводов, но ведь несогласие исследователя должно базироваться не на игнорировании аргументов и фактов оппонентов, а на убедительном и основательном фактическом материале.

При характеристике советского периода главному направлению современной «*public history*» присуща противоречивость. С одной стороны, признаются и осуждаются сталинские репрессии, волюнтаризм Н.С. Хрущёва, ограниченность Л.И. Брежнева, с другой — превозносятся такие достижения советского периода, как освоение космического пространства, а победа в Великой Отечественной войне считается главным событием всей отечественной истории. Освещение советского прошлого включает уступки и компромиссы с теми, кто испытывает по нему ностальгию, — старшими поколениями россиян.

Насколько эффективно и успешно «публичная история» описывает соответствующее запросу власти отечественное прошлое? На мой взгляд, ответ на этот вопрос может быть получен на основе изучения восприятия россиянами исторических событий. Опираясь на опросы «Левада-центра»<sup>22</sup> (возможны и иные источники), можно сделать следующие выводы. В России наблюдался феномен роста популярности И.В. Сталина, который был подвергнут развёрнутой критике со стороны КПСС и советского руководства во второй половине 1950-х гг. и ещё более ожесточённой — со стороны «публичных» и профессиональных историков во второй половине 1980-х гг. В апреле 2017 г. «Левада-центр» провёл несколько опросов, касающихся роли Сталина в истории страны<sup>23</sup>. Жители Москвы стали единственной группой, где преобладало представление, что советский лидер в первую очередь являлся жестоким тираном — 43% опрошенных, в целом же по России таковым его считал только 21%. Положительную оценку деятельности вождя дали россияне старше 55 лет. В эволюции массового исторического сознания жителей РФ понимание великодержавности связывалось с такими деятелями «с сильной рукой», как Иван Грозный<sup>24</sup>.

Согласно приведённой (неполной) информации о динамике восприятия россиянами прошлого можно констатировать, что, во-первых, в их историческом сознании произошло снижение роли революции 1917 г., её вождя Ленина

<sup>21</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... Т. 2. С. 153.

<sup>22</sup> URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/>.

<sup>23</sup> URL: <https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskie-repressii/> (в данной статье приведены около половины таблиц).

<sup>24</sup> URL: <https://www.levada.ru/2016/11/01/ivan-groznyj-znanie-i-otsenki/>.

и повышение симпатий к имперской России. Считаю, что в этом особая заслуга правительственной составляющей *«public history»*, главными инструментами которой стали ведущие телевизионные каналы и иные популярные СМИ. Во-вторых, среди россиян, особенно старшего поколения усилилась «ностальгия» по советским временам, что побуждало представителей ведущего направления «публичной истории» к определённым идеологическим манёврам и компромиссам. В-третьих, имели место восстановление и укрепление такого важного архетипа исторического сознания россиян, как великодержавность, чему способствовала и *«public history»*.

Изучение «публичной истории», на мой взгляд, должно быть продолжено и развито. В этом особая роль может принадлежать профессиональной историографии, особенно в связи с преподаванием в вузах специализации *«public history»*. При этом принципиально важно, чтобы учёные-историки сохраняли приверженность своим принципам. Ведь историческая истина лежит не посередине между противоположными оценками, её постижение означает раскрытие, признание, сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта, показ самых разнообразных явлений прошлого и нахождение их объективного соотношения.